

Улья Нова

Динина любовь

Часть сборника
У нас будет ребёнок! (сборник)

Улья Нова

Динина любовь

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нова У.

Динина любовь / У. Нова — «Эксмо», 2016

«В тот день Дина познакомилась с парком, когда он сверху донизу усыпан желтыми липовыми сердечками. Она знала эту аллею в горячем тополином снегу, в дрожащем голубоватом инее. Она шагала с папкой под мышкой, чуть шурша по розоватому гравию аллеи. Ее каштановые волосы, уложенные вихрами, лучились и вспрыгивали на плечах. Дина возвращалась домой, получив свой самый важный в этом году заказ, обещавший безбедную неторопливую жизнь всю осень, всю зиму. Будущее теперь было определенным, очерченным и не таким тревожным: наполненные неторопливой работой дни в маленькой комнате, несколько лет назад переделанной из спальни в домашний офис. Впереди ее ждало чтение множества статей и прилежное составление каталога к выставке в тишине и мягкой убаюкивающей пустоте безлюдной квартиры...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нова У., 2016
© Эксмо, 2016

Улья Нова

Динина любовь

В тот день Дина познакомилась с парком, когда он сверху донизу усыпан желтыми липовыми сердечками. Она знала эту аллею в горячем тополином снегу, в дрожащем голубоватом инее. Она шагала с папкой под мышкой, чуть шурша по розоватому гравию аллеи. Ее каштановые волосы, уложенные вихрами, лучились и вспрыгивали на плечах.

Дина возвращалась домой, получив свой самый важный в этом году заказ, обещавший безбедную неторопливую жизнь всю осень, всю зиму. Будущее теперь было определенным, очерченным и не таким тревожным: наполненные неторопливой работой дни в маленькой комнате, несколько лет назад переделанной из спальни в домашний офис. Впереди ее ждало чтение множества статей и прилежное составление каталога к выставке в тишине и мягкой убаюкивающей пустоте безлюдной квартиры.

В начале этой осени досадное и привязчивое прошлое, ослабев, неожиданно разжало пальцы, все же позволив увернуться, освободиться. Дину окончательно отпустили две ее большие беды, две многолетние, безнадежно истязавшие ее влюбленности. И она стала легкой, от нее как будто осталась невесомая, бестелесная четвертинка. С тех пор Дина парила по городу, как перышко, как лепесток василька, удивлялась резкости и прозрачности каждого нового дня. И в очередной раз убеждалась, что когда любовь отпускает, все ее обещания и предвестники постепенно распадаются, смешиваются со слезливым утренним туманом, растворяются в бледном небе пасмурного осеннего полудня. Все вокруг отчетливо проступает в бескрайней, безбожной, обезличенной своей наготе – без затаенного и щемящего знака вопроса, без запятой, предполагающей заветное продолжение. Без щекочущей тайны, которая ежеминутно тревожит любопытство, искушая перелистнуть несколько дней, несколько месяцев, чтобы украдкой заглянуть в будущее. С такой надеждой. С таким нетерпением. И узнать разгадку.

В тот день Дина спешила по аллее парка легко, торжествуя, окутанная горьковатым ароматом конца сентября, под высоким небом с крошечными обрывками облаков, которые разметались повсюду. Ее бледное лицо обрамляли сияющие вихры, изумрудный платок, темно-синий воротник пальто. Она задумалась, замечталась, постепенно отрываясь от земли, отдаляясь от всего вокруг. В такие мгновения она любила представлять, как из неба ей навстречу вырываются святые. Из безбрежной голубизны отчетливо, ярко возникают они и бегут, задрапированные в пурпурные и лазурные одеяния. Преодолевшие. Наполненные силой и величием милосердия. Точь-в-точь как на полотнах Микеланджело, как на его фресках в Сикстинской капелле, некоторые из которых Дине предстояло описывать для каталога выставки всю предстоящую осень, всю зиму. Она вглядывалась в небо сквозь черные ветви и желтые сердечки липовых листьев, отчаянно и самозабвенно грезила наяву, представляя могучий, завораживающий бег святых под облаками. Она ожидала их появления, была готова к чуду прямо сейчас, сию секунду.

Окрыленная видениями, рассеянная и захмелевшая от неожиданной милости и совершенства этого дня, начисто утратив ощущение тела, Дина споткнулась. Сильно подвернула ногу. Унижающая, резкая боль прожгла ее насквозь, вмиг заставив очнуться, растерять легкость, утратить сияющие видения. Отчего-то смутившись, виновато одернув пальто, она отошла к бордюру аллеи, согнувшись, стала изо всех сил растирать щиколотку, разгоняя раскаленную лаву боли. На нее победоносно нахлынул далекий шум шоссе. А еще крики школьников, которые с визгом носились по жухлой траве под деревьями парка, побросав портфели разноцветной горкой на лавочке. По аллее плыли неторопливые прохожие. Тут и там шуршал под

подошвами гравий. Невдалеке призрачно и упрямо маячила передвижная летняя тележка мороженого. За прилавком, уперев руки в дородные бока, в даль вглядывалась женщина с оплавившимся лицом, без особой надежды поджидающая последних в сезоне покупателей. Тут и там липовые листья, обессилев, смиренно отрывались от веток, медленно рисовали последний прощальный завиток в сыроватом и пронзительном воздухе парка. Беззвучно, кротко ложились на землю новым слоем сердечек, постепенно склеиваясь друг с другом и втягивая в себя сырость почвы.

Растирая в ноге лаву боли, сбита с толку криками школьников и ревом шоссе, Дина вдруг заметила на бордюре тротуара синюю детскую варежку из пушистого мохера. Маленькая и неброская, она лежала как кроткое и крошечное письмо. Как синее шерстяное сердечко. Неожиданно забыв боль, Дина резким выпадом схватила чужую варежку, спрятала в кулачке. Почувствовала ладонью чуть влажную шерсть, пропахшую сыростью парка. Прижала детскую варежку к груди, не боясь перепачкать пальто. Ее с головы до ног окатил знакомый самолюбивый страх перемен, как когда-то в институте, когда она бродила по городу с недельной задержкой, раздумывая о будущем, боясь купить тест на беременность, взвешивая жизнь на весах, будто перышко, которое наливалось ее тогдашним гнетущим испугом, самолюбивым отчаянием. Но все обошлось, оказалось случайной тревогой, надолго оставив горьковатый привкус страхов и панических дум, которые отдавали застоялой водой черных речных омутов и тянули куда-то в илистую глубину, в безнадежность.

Сейчас Дина наполнялась нарастающим ликованием, как если бы долгожданные святы с полотен Микеланджело, с его фресок в Сикстинской капелле, послали ей вместо своего бега по небесам тайный знак. Синее мохеровое письмо. Обещание чуда.

Скорее всего, круглеющая дама в новеньком джинсовом комбинезоне неторопливо вязала в парке детские одежки будущему малышу, уютно устроившись на одной из скамеек. Потом неожиданный телефонный звонок озадачил ее, заставив немедленно вскочить, заспешить, отвлечься. Или попросту из насупленного неба хлынул слегка леденящий осенний ливень. И круглеющая румяная дама убежала, выронив из вороха вязания крошечную синюю варежку, нежный и заботливый дар будущему сыну, который уже присутствовал в ней и намечался вокруг, медленно меняя мир, заполняя собой все тупики и тайные комнаты, неукротимо распускаясь лепесток за лепестком, обещая себя, но все еще не показывая лица.

Сжимая варежку в кулачке, Дина на всякий случай ускорила шаг, будто ожидая, что кто-нибудь может пуститься вдогонку, обнаружив пропажу. Она шла все быстрее, слегка опасаясь, что кто-нибудь подойдет и потребует вернуть маленькое послание святых. Она почти бежала, слыша громкое биение сердца, которое колотило, как ударные новой песни. Оно всхлипывало и гремело, будто сердце вора, которому удалось стянуть то самое, о чем не мог даже мечтать, на что не мог даже надеяться. И Дина сжимала свою тайную надежду в кулачке изо всех сил, до боли в пальцах.

Потом она осмотрелась по сторонам, не заметила никого, кто мог бы обратить внимание на ее маленький моноспектакль на главной аллее парка. Выдохнула с облегчением. Каштановые вихры, обрамлявшие лицо, сверкнули на солнце. В этот самый момент Дина как никогда остро ощутила, что жизнь ограничена во времени, что бесконечного числа попыток не будет. Эта истина прожгла ее, как самая сильная, тревожная, отрезвляющая боль. Тебе и даны здесь, наяву, три-четыре попытки неподдельной любви, знания, творения. Ты, конечно, можешь не принимать это всерьез, можешь нечаянно промахнуться или по неосмотрительности не распознать свой шанс. Никто ничего тебе не обещает. Никто ничего от тебя не требует. Ты бредешь наугад, действуешь вслепую. А еще ты можешь замешкаться, замечтаться и не успеть в свой единственный поезд, потому что все течет, все ускользает, все с минуты на минуту отправляется от этой платформы в путь и одно на глазах постоянно сменяется другим.

В тот день Дина как никогда отчетливо ощутила, что надо спешить. Что надо обязательно использовать все попытки, все свои шансы. В конце аллеи она торопливо упрятала сыроватую пушистую варежку во внутренний карман сумки, где у нее обычно лежали ключи. С тех пор она всюду носила крошечное шерстяное сердечко с собой, как главный знак этой осени, как обнадеживающий талисман. Она стала внимательно, пристально всматриваться в лица встречавшихся ей мужчин. Она обнадеженно, терпеливо ждала свой час. Свой день. Она была уверена, знала наверняка, что все скоро случится. Это делало ее величавой, сияющей. Неотразимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.